

Михай Вайда

Проблема «новой элиты»

Элита общества — это группа людей, стоящая на верхней ступени иерархии, способная создавать образцы потребностей и поведения. Как писал Иштван Бибо в своем очерке «Элита и социальная чувствительность» (1942), «основная роль элиты — давать образцы, примеры того, как жить, как нравственно вести себя в человеческих ситуациях, как углублять, возвышать и обогащать человеческие потребности, т.е. творить культуру» (Istvan Bibo. Selected works, v. I, p. 226). Слова Бибо, звучащие, быть может, несколько романтично, представляются мне совершенно верными: в конечном счете, общество не будет функционировать без элиты, носителя культурных образцов, которым следуют члены общества. Правящие круги, не желающие с этим считаться, обречены на неудачу. Без социальной элиты в обществе нет подлинных образцов, и потому существование его нестабильно и непредсказуемо. Но разве элита в современных обществах не тождественна различным правящим группам, тем, кто стоит у власти? Разве в современных обществах есть какая-либо иная иерархия престижа, кроме иерархии власти?

Я считаю, что в современных обществах, именно в них, различие между этими двумя группами существует, — если мы вообще можем говорить о существовании элиты. В традиционных обществах уважаемые и авторитетные люди в большинстве своем входят в правящую группу; соответственно, уважение и авторитет, которыми они пользуются, проявляются автоматически, в силу статуса и по факту рождения. В современных же обществах, где врожденные привилегии отменены, определенные группы, сосредоточившие в своих руках значительную власть, либо вообще не обладают престижем, либо престиж их весьма низок, и потому они неспособны создавать образцы социального поведения. Это верно как в отношении экономической власти (упомянем лишь о весьма невысоком престиже нуворишей), так и власти политической; в самые разные периоды истории современных государств политиков неизменно рассматривают как людей, ищущих личной выгоды. Не в последнюю очередь это верно и в отношении «духовной» власти: те, у кого ее больше всего, например, журналисты, работающие в прессе скандального толка, обладают самым низким престижем.

Дедуктивно вывести признаки и механизмы селекции элит из форм социальной и политической общности невозможно, пусть даже последние и оказывают влияние на первые. По моему убежде-

нию, любая историческая социология, исследуя источник социального престижа, т.е. формирование социальных элит в современных обществах, обнаружила бы, что в различных обществах механизмы этого процесса различны просто в силу разных исторических традиций. Элита должна считаться с традицией, ибо хотя все меняется, некоторые традиционные элементы — элементы, с которыми общество сроднилось, — существуют всегда. Без таких традиционных элементов ни одна социальная элита не существует.

Главный ущерб, нанесенный коммунистическим правлением, — это уничтожение всех традиций. Во время социалистической революции, в так называемый год перелома, или стержневой год, в задачи коммунистов входило полное уничтожение элиты. Задача оказалась не столь трудной. В силу ряда обстоятельств после войны традиционная социальная и политическая элита в Венгрии исчезла. В предвоенной Венгрии бок о бок существовали практически два различных общества — весьма традиционное сельское и наполовину модернизированное городское. Разными по типу были и соответствующие элитные группы. Впрочем, традиционное сельское общество распадалось, а это значит, что элита феодального типа не могла рассчитывать на авторитет и престиж; эта группа обладала властью, но не была элитой в выше определенном смысле. Городское общество в свою очередь не было вполне современным, а потому не было и вполне утвердившегося среднего класса, способного играть роль элиты; на буржуазию смотрели как на группу выскочек, к тому же из чужих, из евреев. Статус интеллигенции, этой типичной элитарной группы, также оказался под вопросом. Либеральное ее крыло было дискредитировано во время революций (это отдельная история). Одна часть интеллигенции либо эмигрировала, либо ушла во «внутреннюю» эмиграцию, другая находилась фактически на позициях крайнего консерватизма. Новые поколения, не вынося консерватизма, выступили против истеблишмента и оказались чуть ли не в подполье, стали радикальными социалистами (коммунистами) либо радикальными популистами. Вследствие этого их поведенческие образцы были так же неприемлемы для широкого круга работников умственного труда, как и поведенческие образцы консерваторов, а значит и не могли восприниматься и передаваться обществу. Общество в целом было весьма слабо сплочено, руководилось странным слоем политических лидеров, в большинстве своем из традиционной элиты, но шаг за шагом терявших престиж и уверенность в себе. Полное поражение в войне, неспособность противостоять нацистской Германии — все это было результатом их положения, абсурдность коего продолжала усугубляться. Во всяком случае, какая-то радикальная социальная перемена стала неизбежной. Тот факт, что в конце войны

«политическая элита» (возможно ли такое словосочетание?) просто сбежала, капитулировала перед наступающими русскими войсками, объясняется не только ее страхом перед коммунизмом, но и действительным положением этой группы. Ее представители сознавали, что время их кончилось. Ранее в обществе не было социальных групп, способных стать на их место, но теперь они и сами уже не могли играть эту роль. Никто эту социальную группу не изгонял — ни русские войска, ни венгерские коммунисты: она просто исчезла с исторической сцены.

Путь для модернизации был открыт. Долгий и трудный сам по себе, он был почти неодолим в обществе, лишенном прежней, традиционной элиты. Более молодые поколения интеллигенции — вот кто был единственной социальной группой, готовой взять на себя эту роль. Группой, уверенной в себе, но без ощущения социальной реальности и полной презрения к массам, которые пресмыкались при консерваторах. Их социальный радикализм облегчил положение для коммунистов. Даже при том, что коммунисты в стране были гораздо менее популярны, чем, например, в Чехословакии (компартия получила на последних свободных выборах в Венгрии лишь 17% голосов, да и то мошенническим путем), они без труда захватили власть. И не только благодаря присутствию советских войск, но и потому, что к роли элиты была готова только одна социальная группа, которая и оказала коммунистам поддержку.

Говорить о «коммунистической элите» не приходится. Эта группа общества никогда не пользовалась авторитетом, коммунистов презирали за карьеризм (хотя утверждать, что сорок лет их правления держалось на чистом насилии, было бы неправильно; это почти верно в отношении первых лет режима, до революции 1956 года). Часть интеллигенции, протянувшая руку помощи коммунистам, была практически единственной группой, поддерживавшей новый порядок, но и в этом качестве она была просто средством террора, а не элитой. И даже эта группа скоро поняла, что «строительство социализма» не приведет к свободному обществу, о котором она мечтала. После 1953 года ее сторонники заняли критическую позицию и — при всей своей наивности, пребывая в убеждении, что единственным препятствием на пути истинного социализма является узколобая верхушка, — сделали первые шаги в направлении к 1989 году. При так называемом «коммунизме гуляша», при Кадаре, никакого террора уже не было. Усталая страна была готова к любому «коммунизму» после стольких лет диктатуры, не менее жестокой и последовательной, чем во времена Ракоши (1948-1953).

Четверть века без прямого террора, но и без социальной элиты, дающей обществу образцы поведения, необходимые для его функци-

онирования? Не противоречит ли это моему утверждению, что общество без элиты функционировать не может? Мне кажется, противоречия здесь нет. Режим Кадара, обладая некоторой легитимностью, фактически был не способен породить социальную элиту. У коммунистов не было авторитета и престижа, если не считать самого Кадара, к которому, впрочем, относились как к доброму королю. Никто не видел в них идеала для подражания, никто не считал, что они заслуживают того, чтобы занимать руководящее положение в обществе и иметь привилегии. К ним относились как к неизбежному, но полезному недугу: как к людям, имеющим опыт и способным добиться компромисса с русскими и одновременно с различными слоями общества. Коммунисты Кадара были приемлемы для большинства венгерского населения в качестве руководящей политической группы, но при этом они не составляли элиты. Но как же тогда общество существовало и функционировало?

Я бы сказал, что это было «подвешенное» общество. Подавляющее большинство его граждан выполняло минимум требований, спускавшихся сверху, и стремилось получить как можно больше для себя и своей семьи. Члены общества перестали и думать о каком-то общем деле. Такого рода поведение сохранялось до тех пор, а) пока казалось, что альтернативы существующему порядку нет, и б) пока у общества еще оставались какие-то материальные резервы и мало-мальски приемлемая инфраструктура.

Так или иначе, оба эти обстоятельства в наши дни исчезли. И тут же в одночасье развалился на части — без каких-либо усилий со стороны общества — коммунистический порядок.

Сегодня в наследство от коммунизма мы получили распавшееся общество, лишенное элиты. Мне кажется, нет нужды объяснять, почему общество оказалось разобщенным. Сорок лет — долгий срок, за который выросли новые поколения. Никто не мог научить их подлинно социальному поведению. Чувство ответственности невозможно в мире, когда все сделанное для кого-нибудь, кроме собственной семьи, наказуемо, а все дела решаются исключительно «политической элитой». В новейшей истории не было другого столь тотально частнособственнического общества, каким было общество социалистическое.

Этими же причинами можно объяснить и отсутствие социальной элиты. Главная задача её, — мне хочется вновь процитировать Бибо, — состоит в том, чтобы давать образцы, примеры того, «как жить, как нравственно вести себя в человеческих ситуациях, как углублять, возвышать и обогащать человеческие потребности, т.е. творить культуру». Какая социальная группа могла научиться этому, когда любое социальное поведение запрещено и наказуемо? Находились, конечно, отдельные личности, которые, презрев власть и об-

стоятельства, вели себя свободно. Но хотя в последние годы режима Кадара такое поведение не было немислимым и какая-то небольшая моральная и политическая оппозиция могла существовать, сражаясь за свое существование, это было нетипично. И что еще важнее: социальная элита должна давать не одни лишь образцы борьбы с диктатурой, но и образцы того, как следует жить. Социальная элита должна практиковать поведение, которое могло бы быть обобщено, типизировано. В мире, где можно быть либо оппортунистом, либо беспринципным реалистом, либо эгоистом, заботящимся лишь о собственном благе, либо высоко нравственным героем, посвящающим себя исключительно благу других людей, что в большинстве случаев приводит к сектанству, — в таком мире не может быть никакой социальной элиты.

Словом, мы живем теперь в обществе, где практически всем приходится учиться нормальным образцам жизни, а примеров перед глазами нет. Трудная задача, ведь необходимо создать не только образцы поведения в повседневной жизни, — образцы, существующие в том или ином виде в других обществах, но и способы экономической и политической реконструкции. Дело не только в том, что у нас нет готовых политиков, менеджеров и т.д. и т.п. Неподготовленные люди, которые пытаются осуществлять эти функции, должны одновременно создавать и условия, позволяющие это делать. Коммунизм привел нашу страну, как и все страны, где он господствовал, к экономической катастрофе. Это общеизвестно. Но наша социальная катастрофа еще более серьезна. Можем ли мы надеяться, что в мире, где уничтожены традиции, где царит принцип *bellum omnium contra omnes*¹ и где нет элиты, — что в таком мире возможно будет преодолеть тот социальный кризис, в котором мы оказались?

Возможно ли это без новой социальной элиты?

Перевод с английского В.Ф. Рубцова